

Архиепископ АНТОНИЙ

Открытое письмо авторам сборника «Вехи»

Истекающая неделя была для меня праздником: в эти дни, точнее — эти ночи, я читал «Вехи». Я читал слова любви, правды, сострадания и веры в людей, в наше общество. В людей я всегда верил, но в наше современное общество я терял веру. Я начинал думать, что нравственное возрождение и врачумление отныне возможно лишь в отношении к отдельным людям, но общество истины знать не хочет, слушать ее не будет и с 1904 года¹ исполняет печальное пророчество апостола Павла: «Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням» (2 Тим. 4, 3—4). Юноши поддаются заблуждению, оно льстит страстям, страсти озлобляют душу, сокрушают тело болезнями, озлобление растет от болезней, и всякий, кто напомним озлобленному о совести, является в его глазах врагом. Нужно или осудить себя, или крепко держаться нигилизма и в нем находить забвение. Юноши теряют целомудрие, а взрослые деятели — честность: новый водоворот честолюбия сделал их лжецами, лишил их последней добродетели предыдущих поколений. Как они заглушают голос совести? Конечно, нигилистическими теориями последних лет. Возможно ли их увещевать? «Обличай нечестивого, опорочишь себе, обличения бо нечестивому рана ему; не обличай злых, да не возненавидят тебя» (Прит. 9, 7). Впрочем, отдельного человека все-таки можно нравственно отрезвить, но когда в упорном заблуждении соединилось большинство общества и объявило зло добром, а добро глупостью, то идти против них хотя бы со словом самого искреннего доброжелательства — это подвиг. Да, это подвиг великий и прекрасный. Такой подвиг приняли на себя авторы «Вех». Они обратились к обществу с призывом покаяния, с

призывом верить, с призывом к труду и к науке, к единению с народом, к завещаниям Достоевского и славянофилов.

Читатели, которым все это дорого, с восторгом приветствуют вас, русские писатели! Мы не знаем, чем больше восхищаться: научностью ли, разумностью ли ваших доводов, или примиренным любящим голосом вашего обращения к инакомыслящим, или вашею верою в силу человеческой совести даже у тех, кто ее отрицает и в теории, и на практике, или, наконец, вашей суворовской храбростью, вашим восторженным мужеством, с которым вы, подобно уверовавшему Савлу², обращаетесь к своим братьям по бывшему ложному увлечению. Все эти свойства речи может внушить только возвышенная, благородная душа, широко просвещенный, светлый ум и русское открытое сердце. Я знал вас заочно и прежде, а о некоторых спрашивал теперь; вы люди опыта и разочарований, но вы сохранили душу юношескую: как это радостно видеть сквозь строки ваших творений! Конечно, не во всех теоретических положениях я с вами согласен, но тем отраднее, пожалуй, приветствовать провозвестников общественного возрождения из другого лагеря. Вот когда последний дает русскому обществу действительную духовную весну, открывающуюся теперь вместе с весной природы! Да! с нею оживают теперь многие русские души. Ваша книжка раскупается нарасхват; она возбуждает бледный страх среди упорных поборников нигилизма, но искренних между ними заставляет с радостным трепетом возвращаться к разумной и праведной жизни³. Можно опять радоваться за русских людей, можно снова взирать на их заблуждения и падения как на временное безумие и болезнь, можно снова надеяться на русское общество, на Русь. Вспоминаю притчу Щедрина. Русский мальчик-оборванец говорит немецкому буржуйчику: «Вы душу за грош черту продали; мы, правда, отдали ему душу свою даром, но зато мы ее и назад взять можем»⁴. Выходи же, русская душа, из дьявольских сетей, куда ты зашла без всякой корысти, следуя за обманщиками! Пусть не говорят лучшие люди о сынах русского общества: «Уж не пародия ли они?»⁵. Пародия — это тот нигилистический дурман, который отогнал себя от пути Христова в дебри лжи, злобы и разврата, но вот раздался понятный тебе, чуждый гордости и злобы, но исполненный любви и правды призывающий голос, и ты радостно идешь к нему навстречу. Вспоминаю слова великого народолюбца пророка Иеремии: «Возвратитесь дети отступившие, говорит Господь, потому что я сочетанное с вами» и пр. — «Вот мы идем к Тебе, ибо Ты Господь наш» (Иер. 3, 14, 22).

Да, сказалась русская душа, любящая правду, отзывчивая на голос любящих сердец: наше общество вновь склонило уши к слушанию правды нравственной и религиозной, которая одна только и сродна его душе, притворно зарывающейся в вопросы жизни внешней, по существу ей вовсе чуждой, как справедливо утверждал француз Леруа Болье⁶ и как теперь разъясняете это вы, дорогие наши писатели.

Вы пошли на правое дело без расчета, не подумали о том, сколько нравственных заушений придется вам принять за правду. Пошли, убив в себе всякое тщеславие, следуя только совести и любви. Вы знали, что если и не поймут вас на земле люди, то будут приветствовать с неба ангелы. Ваше дело, ваша книга есть событие, событие чистое, христианское, русское! Знаю, что и эти сочувственные строки вам вменят в укор, а не в честь, но любовь не ищет чести, а взаимного отклика. И без смущения свидетельствую я, что ваш высокий духовный подъем заставит и меня с седеющею уже бородою взглянуть более примирительным взором на жизнь нашего ренегатского от народа и родины общества и не считать его окончательно погибшим для царства Божия. Поклон же вам и привет, и Божие благословение, добрые русские писатели. Не ради приветов вы издали свою книгу, а потому, что душа переполнилась воплем любящей скорби, но в этом и ценность вашего слова, как той песни древнего барда в описании нашего отечественного поэта:

Она, как река в половодье, сильна,
 Как росная ночь благотворна,
 Тепла, как душистая в мае весна,
 Как солнце приветна, как буря грозна,
 Как лютая смерть необорна.
 Охваченный ею не может молчать:
 Он раб ему чуждого Духа,
 Возжглась ему в грудь вдохновенья печать,
 Неволей иль волей он должен вещать,
 Что слышит подвластное ухо⁷.

1 мая 1909 г.

(Слово. 1909. № 791. 10 (23) мая. С. 3)

